

УДК 655.4/.5
ББК 76.1
Д64

Долгов, Александр.

Д64 Спаси Цоя. Роман, где переплелись вымысел и реальность / Долгов Александр. — Москва : Эксмо, 2020. — 400 с.

ISBN 978-5-04-111986-7

В этом году исполняется 30 лет с момента трагической гибели легендарного музыканта, заставившего «требовать перемен» все постсоветское пространство.

После смерти Виктора в возрасте 28 лет в России возник настоящий культ Цоя. Самое яркое тому свидетельство — стена музыканта на Старом Арбате в Москве, где постоянно появляются новые надписи от благодарных поклонников.

Именно сейчас, в эпоху интернета, когда звездой может стать абсолютно каждый, важно помнить о том, кто добился народной любви не за счет хайпа и эпатажа, а исключительно благодаря таланту и идеям, опередившим свое время. Таким и был Цой, которого мы любим и помним — настоящим героем музыкального Олимпа и своего поколения в целом.

Новая книга Александра Долгова — дань уважения и любви харизматичному лидеру группы «Кино».

Опасность, сомнения, столкновение с неизбежным и легендарный русский рок — все здесь сплетается воедино, чтобы воскресить в памяти читателя настоящий культурный феномен.

Мастерство литературной «живописи» Долгова перенесет вас во времена, когда ленинградский рок-клуб сводил с ума, а «перемены» казались осязаемыми, словно подписанная Цоем фотография.

Прочтите и попробуйте вместе с главным героем романа «Спаси Цоя».

Александр Долгов — бессменный главный редактор легендарного журнала FUZZ и писатель.

УДК 655.4/.5
ББК 76.1

© А. Долгов, текст, 2020
© А. Вайнер, иллюстрация, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111986-7

Содержание

Предисловие Ильи Бояшова	7
Часть первая	
РИЖСКИЙ КЛУБ	11
Часть вторая	
МУМИЯ	113
Часть третья	
ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ	227
Эпилог	
2076 ГОД, или СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ	378

Для тех, кто любит отечественную рок-музыку 80-х, не понаслышке знает, что такое ленинградский рок-клуб и способен перечислить поименно всех музыкальных знаменитостей того весьма неординарного времени, представлять Александра Долгова, думаю, не стоит. Бывший военный моряк-подводник, основатель (и бессменный редактор) известного журнала Fuzz, оказался еще и талантливым литератором: свидетельство тому вышедший из под его пера ряд художественных книг, посвященных русскому «Джиму Моррисону» — харизматичному основателю группы «Кино» Виктору Робертовичу Цою.

Каждой эпохе требуются свои собственные символы, объединяющие ее неким культурным признаком: Эдит Пиаф, Владимир Высоцкий... Волею судьбы Цой был избран «священной жертвой» 80-х. Подобно фронтмену The Doors (ярко выраженный сценический образ, талант, отобразивший в творчестве «болевого нерв» страны, наконец — что чрезвычайно важно для подобных символов — ранняя смерть), он был просто обречен на легенду — и она немедленно создавалась, со всеми своими атрибутами, включающими в себя похищение лидера «Кино» инопланетянами и вездесущую «теорию заговоров».

Вольно или невольно Александр Долгов ухватил, на мой взгляд, самое главное: отобразил то удивительное историческое явление, которое называется «культурным мифом». А миф, если он уже сложился, если вошел в людскую память и закрепился в ней, живет самого правдивого факта. Более того, миф подменяет собой факт, начинает жить собственной жизнью, искоренить его практически невозможно —

ПРЕДИСЛОВИЕ

здесь фантастика самым преспокойным образом начинает уживаться с реальностью. В связи с этим желание героя «Клуба путешественников во времени» спасти Виктора путем предотвращения трагической аварии на полуденном шоссе не представляется чем-то необычным. Хорошо знающий фактуру материала, владеющий разнообразными литературными приемами (в том числе и фантастическим жанром) Александр Долгов, будучи самым преданным поклонником канувшего в лету триумфа российского рока, создает удивительный мир, возвращая нас к тем славным и наивным денькам, когда казалось, что будущее у нас «в кармане», что только стоит выйти на сцену и запеть «мы хотим перемен» — они непременно за этим и последуют. . .

Уже все, вроде бы, давно закончилось, все «подернулось дымкой», угли костра остыли, мы разошлись по своим делам и квартирам. Но сила любви автора к тому наивному прошлому настолько искренна, настолько убедительна, что, честное слово, отправившийся, казалось, навсегда в небытие мир отечественного рок-н-ролла вдруг возвращается во всех своих запахах и красках! Он начинает волновать нас! И сердце наше, давно уже загруженное другими временами и другими проблемами, просыпается, вспоминает и сладко щемит в ответ. . .

За что автору большое спасибо!

Илья Бояшов

Ольге Сарновой с благодарностью

..... ЧАСТЬ

П Е Р В А Я

П Е Р В А Я

рижский клуб

Мне исполнилось двенадцать, когда не стало родителей, и с той поры уже минуло шесть лет. Два года назад мне вдруг выплатили компенсацию за их гибель, так появилась возможность оплатить обучение в университете. Будто оттуда в нужный момент отозвались, ведь на бюджетное отделение исторического факультета сам я вряд ли поступил бы. Как говорит мой дядя, старший брат отца, у которого я живу, «матушка лень родилась раньше меня». Что правда, то правда — ленив я до крайности, хотя «способности есть, и хорошие, только ума не хватает их приложить» (это тоже дядины слова). Куда бы я пошел учиться, неизвестно, но тут «свалились с неба» такие деньги... Двести тысяч долларов — сумма огромная. Но, поверьте: не раздумывая вернул бы их до последней копейки и в придачу отдал бы трехкомнатную сталинскую квартиру, переписанную на меня дядей к совершеннолетию, только бы они воскресли. Да разве такое возможно?

До сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что мамы и папы давно нет. Удивительно — по ночам снятся порознь, а ведь умерли вместе, можно сказать, в одно и то же мгновение, как в волшебной сказке. Но не сказка это, а страшная беда, когда оба были в самом расцвете. До сих пор не могу им простить, ну чего ради они вписались в этот

злополучный рейс, летели ли бы после посещения Святых мест в Питер — нет, взяли билеты до Новосибирска: «Прости, сынок, нас неожиданно пригласили на симпозиум, всего два дня работы, и мы вернемся домой». Как же — вернулись... Остались на веки вечные на дне Черного моря во чреве искромсанного ракетными осколками самолета. Понимаете ли, военные учения там проходили! Человеческий фактор подвел! Не тот тумблер включили! «Только не надо делать из этого трагедию, ошибки бывают всюду», — сказал после катастрофы в оправдание президент со смешной для русского уха фамилией соседней братской страны, ответственной за крушение гражданского самолета. Что бы он сказал, если бы в сбитом самолете находились его сын или дочь. На самом деле — дочь. У него единственная дочь — я в «Вике» специально посмотрел.

Наверное, не солгу, сказав, что не проходило и дня с тех пор, чтобы я не вспомнил о своих бедных родителях, и мысль о том, что я лишен простой возможности сходить к ним на могилку, терзала мою неокрепшую душу, хотя и утешал себя в дни особой горести: они для меня навсегда остались живыми и молодыми...

Вот и в тот, по-летнему теплый, майский вечер, когда я маялся от безделья, бесцельно слоняясь по квартире, привычно думал о них. Недолго посидел за компьютером, но погружаться с головой в паутину Интернета не хотелось, гулять — тоже. Может, почитать? Я был дома один, дядя задерживался на работе. Он — искусствовед, специалист по русской живописи, работает экскурсоводом в Русском музее. Экскурсии проводит в основном для иностранных групп, поскольку в совершенстве владеет немецким, но ему не влом просто побродить по залам или подменить заболевшего коллегу, чтобы провести экскурсию со школьниками. Помню, как он рассказывал про одно внезапное замечание, которое едва не закончилась конфузом: сорванцы-пятиклашки во время дядиных заоблачных разглагольствований о высоком искусстве привязали бечевкой хлястик его пиджака к антикварной вазе, стоявшей на парадной лестнице второго этажа Михайловского дворца... Короче, только хорошая реакция школьного педагога спасла положение — не иначе, это был учитель физкультуры, — но юных экскурсантов дядя с тех пор побаивается. Наши соседи за глаза называют его женоненавистником, но это не так — слабый пол ему интересен,

точно про это знаю: в моей маме, например, он души не чаял и детей маленьких любит, — просто в жизни не повезло, не встретил свою половинку, а теперь, видимо, поздно думать о женитьбе — в этом году мы справили его шестидесятилетний юбилей.

Когда хлопнула входная дверь, возвестив о запоздалом приходе дяди, я выглянул в коридор из гостиной и сообщил ему о том, что приготовил отличный грибной суп с перловкой — готовить я люблю и умею. В руках я держал вороненый томик Германа Гессе, который вытащил из книжного частокла на полке за пять секунд до явления моего дядюшки, — «Степной волк». Книгу мне уже давно рекомендовали прочесть знающие люди, включая дядю, да все руки как-то не доходили, хотя она стояла себе на полке — меня дожидалась.

Дядя, сухо сообщив, что сыт и есть не будет, чем меня, понятно, обидел, сразу же уединился у себя в комнате, прихватив с собой целую кипу каких-то умных книг; он такой — книжный червь, с головой погруженный в любимое дело.

Ну а я поплелся в гостиную, по дороге заглянув в оглавление: рекомендованный роман оказался на удивление небольшим и был добит парой-тройкой других произведений, мне дотоле неизвестных. В нетерпении я зашуршал на ходу листами книги — предстояло прыгнуть на страницу 223... и тут мне под ноги спикировала старая открытка необычной квадратной формы. Я поднял ее: оказалось — не открытка, а цветная полароидная фотография — групповой снимок. Посмотрел, пригляделся внимательнее и остолбенел! Этого фото я никогда раньше не видел. На нем был мой молодой папа в красной ветровке, на одной руке он держал двухгодовалого карапуза в синем комбинезоне, то есть меня, в другой — я всмотрелся, и мне показалось, что это — черный томик Германа Гессе (!), а рядом стоял... Ни за что не догадаетесь! Сам Виктор Цой! Надо же, про него говорят — «Человек в черном», а тут он в синих джинсах и светлой куртке. Может, и не он? Я перевернул фотку и увидел размашистую подпись, сделанную белым маркером по черному квадрату оборотной стороны снимка: «Удачи! В. Цой», а внизу, на белой рамке, уже шариковой ручкой и другим почерком, чтобы не забыть время и место: «13.08.1990, Юрмала, улица Йомас, дом 83» и совсем в уголке — время «14:05».

Да-а, дела...

И в это самое время круглосуточно работающий комп дзынькнул, сообщив о том, что в электронный ящик свалилось очередное письмо. Не знаю, чего ради я прервал размышления об ошарашившей меня фотографии и решил глянуть, от кого послание — скорее всего автоматически, согласитесь, что это вполне можно было сделать и позже. Увидев адресата и дату отправки письма, обомлел.. потерял дар речи.. у меня отвисла челюсть.. со мной чуть не случился удар — все вместе и по отдельности! Забыв про Цоя и «Степного волка», я попытался врубиться.. Мать честная! Да письмо-то ИЗ БУДУЩЕГО! Отправлено с моего же адреса, под моим ником, то есть самим мной, и датировано годом, когда мне должен был стукнуть девятый десяток — просто охренеть! К письму прилагались три вложения, отображенные в окне браузера декоративной скрепкой — «фенькой», характерной для Hotmail, услугами которой я пользуюсь по привычке всю сознательную жизнь; да, знаю-знаю, это нетипично для отечественного пользователя, ну что поделать, если я — белая ворона. Озадачили меня и четыре латинские буквы, заявлявшие тему: WCTM. Ума не приложу, что бы означал этот буквенный квартет, совершенно ни о чем мне не говорящий. Первое, что я испытал, был испуг — мы все боимся всего неизвестного, необъяснимого, и я поставил галочку в «квадратике» и отправил сообщение в корзину с прочим мусором и тупо уставился на экран. Сердце отчаянно билось, готовое вылететь из грудной клетки, я с трудом перевел дыхание, еще не осознавая, с чего это вдруг так переволновался? Не прошло, наверное, и минуты, как в папку «Входящие» плюхнулось еще одно письмо — в «теме» стояла строчка-разъяснение: «Дело касается родителей».

Я в смятении хлопнул крышкой ноутбука, стремясь поскорее избавиться от пугающей неизвестности.

Чтобы как-то прийти в себя и успокоиться я пошел на кухню и дрожащими руками приготовил себе большую чашку горячего шоколада. Пил его нетерпеливо, жадно, обжигая язык и небо, отбивая зубами по тонкому фарфору мелкую дробь, точно морзянку. Тягучий сладко-прииторный напиток мне явно пошел на пользу. Придя в себя, я постарался собраться с мыслями — что же такое со мной приключилось?

«Дело касается родителей» — фраза, заявленная в теме второго письма, заставила вернуться в гостиную. Я поднял крышку ноутбука,

включил компьютер. По обыкновению, он загружался довольно быстро, наверное, секунд двадцать-двадцать пять, но на этот раз мне показалось, что он грузится бесконечно долго. Наконец все заработало, я забрался в почтовый ящик и ахнул — все окно браузера оказалось забитым «нераспечатанными» письмами, отмеченными, как и положено для непрочитанной почты, жирным шрифтом. Письма приходили чуть ли не каждые десять секунд, будто по составленной заранее программе... Темы всех писем по-прежнему касались родителей, кроме самого первого. Для начала я восстановил его из корзины — нужно было разобраться, что это за таинственная аббревиатура из четырех букв. К тому же мне позарез хотелось узнать, кем подписаны странные письма, и тут меня ожидало разочарование — никем. Совершенно одинаковые короткие послания, и все без подписи. Адресат и ко мне обращался не по имени, а использовал в тексте лишь обезличенное местоимение «ты», хотя мог бы, к примеру, окрестить меня по-свойски «стариком», к примеру, что, наверное, меня бы весьма позабавило.

На самом деле поначалу я оторопел, а потом разозлился: письма-то, хоть и короткие, казались откровенно шизоидными. Судите сами: отправитель на полном серьезе сообщал мне о существовании портала времени, якобы находящегося в мужском туалете ресторана «Рига» в одноименной гостинице одноименного города (?!). Вот тут и дошел до меня истинный смысл англоязычной абракадабры («инглиш» я, кстати, знаю неплохо, но «дойч» — еще лучше, поскольку окончил известную всем Петришуле). Она — эта абракадабра — означала не что иное, как «машину времени в сортире»! Вот так просто. Что за идиотизм? В конце послания мне предлагалось добровольно сделать выбор (привожу цитату): «Либо всю жизнь черпать дерьмо лопатой из клозета, либо изменить историю — спасти героя и самому стать им...» Это он намекал на Виктора Цоя, предлагая смотреть в Ригу прошлого века, чтобы предотвратить известную всем автокатастрофу.

И ни слова о родителях! Я все письма перелопатил — ничего! Открыл все приложения — их было прикреплено по три к каждому письму с соответствующими названиями: «устав Клуба», «алгоритм хронопортации» и даже «полезные советы», — нигде ничего!

Вот сволочь — ведь сознательно запустил «пулю» — приманку насчет родителей, — чтобы заставить меня перелопатить его «сопирное руководство», и... ничего! Только душу растравил... Я нажал мышкой на слово «ответить» и ожесточенно застучал по клавиатуре, не стесняясь в выражениях, — настроил разгневанное письмо. Отправил.

Через пару секунд дзынькнуло. У меня. Письмо возвратилось, что означало: «мяч влетал только в одни ворота»: у моего неведомого адресата стояло что-то вроде обратного клапана — оттуда письма приходили исправно, а отправить туда я был бессилён. В бешенстве я хлопнул крышкой ноутбука.

Вот так я и узнал об этом чертовом Клубе. Мыслей о том, что это был элементарный розыгрыш, ловко устроенный кем-то из друзей или недругов, у меня почему-то не возникло. Более того, я сразу уверовал, что послание пришло каким-то образом из будущего от меня самого — сомнений на этот счет не было никаких. Я ощущал это всей кожей — верилось, и все тут. Другое дело — что с этой клозетной информацией делать дальше, я пока не знал... На удивление, дядя, погруженный по самую макушку в высокое искусство, все-таки уловил мое нервное состояние, стал допытываться, отчего я не в своей тарелке, что мне пришлось объяснить невезухой с латинским языком. «Я знаю, что ничего не знаю», — буркнул я уныло на латыни. А что я мог ему еще сказать? Впереди действительно маячили экзамены, заранее вызывавшие мандраж, а истинной причине он бы все равно не поверил. Короче, посвящать его в эту дерьмовую историю (в прямом и переносном смысле) с самого начала я не планировал — уж как-нибудь сам разберусь. Да к тому же человек я, говоря начистоту, — довольно скрытный, мне бы в разведке работать аналитиком, а не в универе на лекциях штаны просиживать.

С тех самых пор писем из будущего больше не приходило, что, конечно, тоже держало в постоянном напряжении, не давая расслабиться, и возникал закономерный вопрос: а каким это образом там стало известно, что послания дошли и прочитаны? Да, ответить на него я, как ни старался, не мог... Поначалу хотел даже сбросить их в «корзину», забыть раз и навсегда о загадочном эпизоде, но так и не решился — а вдруг существует то, что нам пока в диковину? Да и, по

совести говоря, не хотелось рвать тонкую ниточку надежды. А вдруг это действительно единственный, невероятный — хоть пока и неясный — шанс спасти родителей? Так и оставил мэйлы нетронутыми — ладно, думаю, что будет, то будет.

Незаметно подкатило время летней сессии, следовало, пока не поздно, хвататься за учебники, дабы не завалить экзамены. Учился я, как уже упоминал, «через пень колоду», тянул себе лямку наук, не надрываясь, но особых опасений о неудах не было. И действительно три экзамена спихнул на «госоценку», то есть трояк, один — на заслуженное «хорошо», а вот последний, пятый — ненавистную латынь — все-таки завалил. И тут дело было даже не в моих способностях, может, у другого преподавателя я вырубил бы даже твердую «четверку», но только не у Обморока — уж больно злопамятным он оказался. (Это я про Валентина Петровича, нашего преподавателя латинского языка, говорю. «Обмороком» студенты прозвали его с незапамятных времен из-за нездоровой худобы и вечных синюшных кругов под глазами — видимо, от чрезмерного курения.) А все потому, что как-то на занятиях по глупости или под дурное настроение назвал латынь мертвым языком: мол, кому он сегодня нужен — разве что фармацевтам да упертым юристам, может быть. «Что, скажете, не мертвый?! Однозначно — мертвый...» Понятное дело, Обморок оскорбился до глубины души и решил поквитаться со мной на экзамене. Я особенно не переживал, надеясь через пару деньков спихнуть мертвый «хвост», но не тут-то было — Валентин Петрович не без удовольствия, издевательски глядя мне в глаза, сообщил, что переекзаменовка состоится не сейчас, а осенью: «Готовьтесь, молодой человек, — говорит, — времени у вас предостаточно!» — и укатил по-быстрому на курорт в Минеральные Воды, видимо, поправлять не на шутку пошатнувшееся здоровье. У меня же лето оказалось подпорченным перед неминуемым поединком с преподавателем.

Вот тогда-то я и получил заказное письмо из Риги. Я шел за ним на почту, и состояние было сродни тому животному страху, которое я испытал, «распечатывая» футуристические послания от самого себя. К моему изумлению, в конверте оказалось вполне реальное приглашение на мое имя для оформления визы в Еврозону от некоего Шпилькина Ильи Даниловича, проживающего в Риге по адресу улица

Элизабетес, дом такой-то, квартира такая-то. Уму непостижимо, кто такой этот Шпилькин, — не было у меня никаких знакомых во всей Латвии. И вообще, судя по найденному в книге полароидному снимку, я побывал в Риге с родителями в младенчестве и, конечно, ничего не мог помнить; никаких ассоциаций не приходило на ум, наверное, еще и потому, что отец с матерью ничего не рассказывали об этой поездке. «Может, это знакомый родителей, кто знает?» — размышлял я.

Не мудрствуя долго, набрал в поисковике нужные данные и, что вы думаете, сразу же получил ссылку на официальную страничку этого перца, если это действительно тот Шпилькин И. Д. Как выяснилось, Илья Данилович — известный рижский профессор истории пятидесяти лет, предлагающий (среди прочих гуманитарных услуг) курс лекций по истории Ливонии и организацию пешеходных экскурсий для туристов. «Прогулки по средневековой Риге» — так называлась одна из них, на которую я отчего-то сразу обратил внимание. Для связи предлагался номер мобильного, но звонить, чтобы узнать, тот этот Шпилькин или не тот, счел преждевременным — я еще ничего не решил для себя, всерьез сомневаясь, справлюсь ли я с поставленной задачей и каким образом... Ведь мне не предложили никакого определенного плана, полагалось действовать на свой страх и риск по обстоятельствам, никакой конкретики, ничего.

Я снова взялся за инструкции из будущего, полез в злосчастный электронный письмовник, с тщанием пересмотрел все приложения — на проверку, кстати, они оказались не столь обширными и подробными, видимо, составлялись по-быстрому, наспех; инструкций по спасению «иконы русского рока» там не нашлось. Несложный, почти что тривиальный алгоритм перехода во времени был, краткий устав Клуба из пяти коротких пунктов был, немногочисленные советы были — на них я и сосредоточил внимание. Предлагалось взять в поездку из отцовской фонотеки — ни много ни мало — пару кило винила; я пробежался глазами по списку из дюжены наименований, и меня чуть не стошнило от нафталиновых имен — сплошное ископаемое рок-старье, и кому оно нужно?

Но, видимо, в будущем на этот счет было другое мнение. Следуя поставленному условию, я тут же полез на антресоли, куда отец самолично забросил все грампластинки, после того как «кукукнулась» его